

И.Г. Широбоков

Россия, Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Подтверждают ли антропологические данные существование «Угорской эпохи» в Прикамье?

В течение последних нескольких лет на страницах научных журналов с новой силой развернулась дискуссия об этнической принадлежности средневекового населения Прикамья [Пастушенко, 2011; Крыласова, 2012; Белых, 2013; Иванов, 2015; и др.]. Поводом для ее возобновления в XXI в. послужили работы А.М. Белавина, В.А. Иванова и Н.Б. Крыласовой, отстаивающих гипотезу о преобладании угорского населения в регионе вплоть до начала II тысячелетия н.э. [2009]. Позиция вызвала негативный отклик со стороны ряда археологов и лингвистов, придерживающихся точки зрения об автохтонном развитии пермского населения. В.В. Напольских и С.К. Белых отметили, что термин «угры» используется для обозначения групп, говорящих на угорских языках, и не имеет другого смысла. Однако ни данные топонимики Прикамья, ни анализ заимствований в языках пермских народов не позволяют считать, что присутствие в средневековом Прикамье угорских групп было сколь-нибудь значительным [Напольских, 2008; Белых, 2013]. Поскольку к настоящему времени сторонниками существования «Угорской эпохи» не выдвинуты какие-либо надежные лингвистические аргументы в поддержку своей позиции, для стороннего наблюдателя продолжение дискуссии в существующем виде должно представляться бессмысленным.

Однако в действительности вопрос об этнической принадлежности населения средневекового Прикамья является вторичным по отношению к исследуемому предмету. Очевидно, что дискуссия, основанная на интерпретации сходства конкретных материалов ряда археологических культур, ведется не столько об уграх в Прикамье, сколько о роли в истории региона групп населения, генетически связанных своим происхождением с обитателями Западной Сибири и Приуралья. В этом смысле необходимым этапом анализа является обоснование тезиса о физическом перемещении групп из одного региона в другой (в результате единичных миграций или постепенной инфильтрации) в противовес позиции о наблюдаемом сходстве как результате культурного взаимодействия. Следовательно, весьма желательно, чтобы этот тезис находил обоснование в антропологических исследованиях.

К сожалению, наши представления о палеоантропологии населения Прикамья опираются на недостаточно представительный материал. О физическом облике носителей некоторых археологических культур мы вынуждены судить по единичным черепам. Полностью отсутствуют какие-либо опубликованные данные по населению гляденовской, неволинской, ванвиздинской и вымской культур, а также северо-таежных районов Западной Сибири. Тем не менее, поскольку позиции участников дискуссии сформулированы в предельно острой форме, даже неполные антропологические данные позволяют ответить на поставленный в начале статьи вопрос. Ответ на него был дан уже более полувека назад.

Краниологи единодушно сходятся во мнении о том, что формирование современного пермского населения Прикамья происходило на основе местных групп I – начала II тысячелетия н.э. Исследователями также однозначно признается незначительность роли пришлого западносибирского и приуральского населения в истории региона, оказавшего некоторое влияние на формирование его состава в середине I тысячелетия н.э. Расхождения во взглядах касаются лишь происхождения пришельцев [Акимова, 1968; Алексеев, 1969; Ефимова, 1991; и др.]. Таким образом, антропологические наблюдения хорошо согласуются с изложенной выше позицией ижевских лингвистов.

Произошедшее за последние двадцать лет значительное расширение круга краниологических материалов, характеризующих как близкое к современности, так и средневековое население Прикамья и Западной Сибири, позволяет подвергнуть проверке на прочность сложившиеся взгляды антропологов. С этой целью был проведен сравнительный анализ мужских краниологических серий Прикамья, Приуралья и Западной Сибири,

относящихся к культурам I-II тысячелетий н.э. Анализ был направлен на определение общего сходства между выборками разных археологических культур с учетом внутригрупповых корреляций между краниологическими признаками и опирается на вычисление матрицы расстояний Махаланобиса с поправкой на численность серий (D^2). Расчет матрицы осуществлялся в программе Б.А. Козинцева «CANON» для группы из 13 признаков (№№ по Мартину и др.): 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, 75(1).

Основные результаты анализа могут быть представлены в виде нескольких блоков:

1. Современные пермские группы в наибольшей степени сходны с населением родановской, ломоватовской и бахмутинской культур, а также выборкой из Большетиганского могильника, как правило, связываемого исследователями с древними венграми. Однако среди современных групп со средневековым населением Прикамья теснее всего сближаются марийцы, более того, в степени сходства с ним коми и удмуртам не уступают даже некоторые группы мордвы;
2. Современные обские угры в наибольшей степени сближаются со средневековыми группами Сургутского Приобья, выборками таштыкской, релкинской, большереченской, усть-ишимской культур, а также с населением Минусинской котловины VII-XI вв.;
3. Поломско-чепецкие группы сближаются с бахмутинским, ломоватовским, мазунинским, пьяноборским, азелинским, позднесарматским и салтово-маяцким населением и не имеют близких связей ни с сибирскими выборками, ни с современными пермскими группами. При этом вопреки ожиданиям поздние серии (IX-XII вв.) отличаются от современных удмуртов и коми-пермяков даже больше, чем выборки VII-IX вв.;
4. Ломоватовское население оказывается сходным как с другими прикамскими выборками (бахмутинской, поломско-чепецкой, мазунинской), так и с сибирскими, территориально весьма отдаленными от Пермского Предуралья (большереченской (фоминский этап), таштыкской, раннесаргатской). При включении в выборку данных по единичным неволинским черепам (Броды, Бартым), ни один из которых не удалось измерить по полной программе, характеристика серии несколько сместилась одновременно в сторону средне- и позднесарматских групп и выборок остальных средневековых культур Прикамья, а степень ее сходства с сибирскими группами, напротив, уменьшилась;

Эти результаты свидетельствуют о том, что роль пришлого населения в формировании населения ломоватовской культуры возможно ранее несколько недооценивалась антропологами. Отметим, что население других культур Прикамья I тысячелетия н.э. не находит близких параллелей в группах Западной Сибири и Приуралья, а население родановской культуры вопреки ожиданиям не входит в круг ближайших к ломоватово групп. По своему происхождению пришлое население, по всей видимости, связано с обширной лесостепной зоной Западной Сибири, и сближение ломоватовской с выборками конкретных культур может объясняться не только миграциями из соответствующих районов, но и включением в их состав сходных морфологических компонентов.

Отдельно стоит упомянуть о проблеме преемственности между современным пермским и средневековым населением Прикамья. Более тесное сходство последних с марийцами может объясняться включением в состав пермских народов субстратных или пришлых групп населения, морфологический тип которых не представлен в числе известных сегодня группах Прикамья. Возможно, эту проблему удастся решить с появлением данных по гляденовской культуре и культурам Удмуртского Прикамья первой половины II тысячелетия н.э.. Однако основное направление различий между современными и средневековыми обитателями Прикамья (уменьшение относительной длины черепа и ширины грушевидного отверстия) свидетельствует о том, что различия не могут быть связаны с включением в состав поздних пермян каких-то групп с характерным для обских угров комплексом морфологических признаков.

С другой стороны, направленные различия существуют и между близкими к современности сериями обских угров и теми группами средневекового населения Западной

Сибири, которые исследователями рассматриваются в качестве предковых. Удивительно, но эти различия заключаются главным образом в увеличении относительной длины черепа и ширины грушевидного отверстия в современных угорских сериях. Следовательно, если мы поддерживаем точку зрения об интенсивных культурных контактах пермского и угорского населения в эпоху средневековья, теоретически вполне допустимым следует считать предположение об участии в формировании антропологического состава части современных обских угров населения, морфологически близкого к средневековым прикамским сериям. Это отчасти могло бы объяснить сдвиг краниологической характеристики близких к современности обских угров относительно средневекового населения Западной Сибири.

Проблема возможного участия в формировании средневекового населения Прикамья групп, связанных с той ветвью угорского населения, которая связывается исследователями с древними венграми, пока не может быть решена однозначно и требует отдельного рассмотрения.

Литература

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.

Белых С.К. Этнос и археологические «этномаркеры» (полемиические заметки) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2013.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.

Иванов В.А. Угры Предуралья: Продолжение темы // Поволжская археология. 2015. №4 (14).

Крыласова Н.Б. Об «угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып.1.

Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург—Сургут, 2008. Вып. 25.

Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. Вып.1.